

Рут Озеки

.....

Рут Озеки

Моя
рыба
будет
жить

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
О-46

«A TALE FOR THE TIME BEING» by Ruth Ozeki

Серия «Шорт-лист»

Перевод с английского *Екатерины Ильиной*

Издание публикуется с разрешения Canongate Books Ltd,
14 High Street, Edinburgh EH1 1TE и литературного агентства
The Van Lear Agency LLC.

Художник *Екатерина Белявская*
Дизайнер *Яна Половцева*

Озек, Рут.

О-46 *Моя рыба будет жить* : роман / Озек Рут ; [пер. с англ. Е.И. Ильиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 478 [2] с. — (Шорт-лист).

ISBN 978-5-17-085627-5

Рут Озек — американка японского происхождения, специалист по классической японской литературе, флористка, увлеченная театром и кинематографом. В 2010 году она была удостоена сана буддийского священника. Озек ведет активную общественную деятельность в университетских кампусах и живет между Бруклином и Кортес-Айлендом в Британской Колумбии, где она пишет, вяжет носки и выращивает уток вместе со своим мужем Оливером.

«Моя рыба будет жить» — это роман, полный тонкой иронии, глубокого понимания отношений между автором, читателем и персонажами, реальностью и фантазией, квантовой физикой, историей и мифом. Это увлекательная, зачаровывающая история о человечности и поисках дома.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-085627-5

© Ruth Ozeki Lounsbury, 2013
© Ильина Е.И., перевод, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Для Масако, отныне и навсегда

第一部

Часть I

Древний будда как-то сказал:

*Существуя во времени, стоя на горной вершине,
Существуя во времени, движась в океанских глубинах,
Существуя во времени, восьмирукий демон с тремя головами,
Существуя во времени, золотой шестнадцатифутовый Будда,
Существуя во времени, посох монаха или мухобойка учителя*,
Существуя во времени, столб или фонарь,
Существуя во времени, любой Дик или Джейн**,
Существуя во времени, вся земля и бесконечное небо.*

Догэн Дзэндзи***. Существуя во времени¹

* Хоссу (яп.) — метелка из конских хвостов, которые носили с собой дзэн-буддийские монахи. (Здесь и далее знаком * помечены в тексте примечания автора.)

** Чосан риши (яп.) — буквально «третий сын Жаня или четвертый сын Ли»; идиома, означающая «любой обычный человек». Я перевела это как «любой Дик или Джейн», но с тем же успехом можно было бы сказать «любой Том, Дик или Гарри».

*** Эйхэй Догэн Дзэндзи (1200–1253) — японский учитель дзэн и автор «Сёбогэндзо» («Сокровищница глаза истинной дхармы»). «Существуя во времени» («Юдзи») — выдержка из одиннадцатой главы.

¹ Цифрами в тексте помечены примечания переводчика, расположенные в конце книги, на стр. 476–478.

Нао

1

Привет!

Меня зовут Нао, и я — временное существо. Ты знаешь, что такое временное существо? Ну, если ты дашь мне минутку, я объясню.

Временное существо — это кто-то, кто существует во времени: ты, я, любой, кто когда-либо жил или будет жить. Я, например, сижу сейчас в кафе французских горничных на Акибахаре, в Городе Электроники, и слушаю печальный французский шансон, который играет где-то в твоём прошлом, которое одновременно — мое настоящее. И я думаю о тебе — как ты там, где-то в моем будущем? И если ты это читаешь, ты, наверно, тоже думаешь обо мне.

Ты думаешь обо мне.

Я думаю о тебе.

Кто ты и что ты сейчас делаешь?

Может, ты свисаешь с поручня в нью-йоркском сабвее или отмокаешь в горячей ванне в Саннивэйле?

Загораешь на пляже в Пхукете, или тебе полируют ногти в педикюрном салоне в Абу-Даби?

Ты женского пола или мужского? Или где-то посередине?

Может, твоя девушка готовит тебе вкуснящий ужин, а может, ты ешь холодную китайскую лапшу из картонки?

Может, ты свернулся калачиком, отгородившись спиной от храпящей жены? Или ждешь, когда, наконец, твой возлюбленный выйдет из ванной, чтобы страстно заняться с тобой любовью?

У тебя есть машина? И девушка сидит у тебя на коленях? Может, твой лоб пахнет кедром и свежим морозным воздухом?

На самом деле, это не так уж важно, потому что к тому времени, как ты это прочтешь, все уже будет по-другому,

и ты где-то — да нигде в особенности — лениво перелистываешь страницы этой книги, записок о моих последних днях на земле, и думаешь, стоит ли читать дальше.

И если ты решишь, что не стоит — эй, никаких проблем, потому что по-любому ты не тот, кого я жду. Но если ты решишь продолжать, тогда знаешь что? Ты — временное существо моего типа, и вместе мы будем творить волшебство!

2

Тьфу. Это было тупо. Надо, чтобы получалось лучше, а то ты уже наверняка недоумеваешь, что за глупая девица могла написать такое.

Ну, я могла.

Нао могла.

Нао — это я, Наоко Ясутани. Это мое полное имя, но ты можешь звать меня Нао, как и все остальные. И мне надо бы рассказать о себе побольше, если мы собираемся и дальше общаться!..☺

Правда, тут мало что изменилось. Я все еще сижу в кафе французских горничных на Акибахаре, в Городе Электроники, и Эдит Пиаф начала очередной грустный шансон, и Бабетта только что принесла мне кофе, и я уже отпила глоток. Бабетта — моя горничная, а еще она — мой новый друг, а мой кофе — «Блю Маунтин», и я пью его черным, что необычно для девчонки-подростка, но это — единственный способ пить хороший кофе, если, конечно, у тебя есть хоть капелька уважения к горьким бобам.

Я отогнула носок² и почесала под коленкой.

Я расправила складки юбки, чтобы лежали ровно.

Я заправила волосы (они у меня до плеч) за правое ухо, где у меня пять дырочек, но теперь я скромно позволяю им опять упасть на лицо, потому что отаку^{*}-саларимен, что сидит за соседним столиком, ужасно на меня пялится, и мне это противно, но одновременно смешно. Я в своей форме из средней школы, и по тому, как он меня разглядывает, понят-

* Отаку (お宅) — одержимый фан или фанатик, компьютерный гик, «ботаник».

но, что у него неслабый фетиш насчет школьниц, а если так, то какого он приперся в кафе французских горничных? Нет, правда, он что, тупой?

Но догадки не всегда верны. Все меняется, все возможно, и кто знает — может, я тоже перемену свое мнение о нем. Может, в следующую минуту он наклонится неловко в мою сторону и скажет что-то настолько неожиданно-красивое, что нахлынувшая нежность смоет первое впечатление: сольные волосы и противный цвет лица, и я даже снизойду до разговора с ним, и, в конце концов, он пригласит меня на шопинг, и если сможет убедить меня, что безумно влюблен, я пойду с ним в торговый центр и он купит мне миленький кардиган, или кейтай*, или сумочку, хотя денег у него явно не слишком. А потом мы, наверно, пойдем в какой-нибудь клуб, будем пить коктейли и завалимся в конце концов в лавотель³ с огромным джакузи, и, после того, как мы примем ванну, только я начну расслабляться, он обнажит свое истинное лицо, и свяжет меня, и наденет пакет из-под моего нового кардигана мне на голову, и изнасилует, и через несколько часов полиция обнаружит мое обнаженное безжизненное тело с неестественно вывернутыми конечностями на полу рядом с кроватью «под зебру».

А может, он просто попросит задушить его понарошку моими трусиками, пока он кончает от их чарующего аромата.

А может, ничего из этого не случится, кроме как в моем воображении, и в твоём, конечно, тоже — ведь я уже тебе говорила, вместе мы творим волшебство, по крайней мере, на какое-то время. Или пока мы в нём существуем.

3

Ты все еще здесь? Только что перечла, что я тут написала про отаку-саларимена, и хочу извиниться. Это было пошло. Не слишком хороший способ начать.

Я не хочу, чтобы у тебя сложилось неверное впечатление. Я не глупа. Я знаю, что Эдит Пиаф на самом деле звали во-

* Кейтай (携帯) — сотовый телефон.

все не Пиаф. И я не озабоченная, и не хентай*. Я вообще не фанат хентая, так что если ты как раз фанат, то отложи, пожалуйста, эту книгу и не читай дальше, ладно? Тебя ждет разочарование, только время потратишь зря, потому что эта книга — точно не интимный дневник девицы с отклонениями, набитый розовыми мечтами и извращенскими фетишами. Это совсем не то, что ты думаешь, потому что моя цель — записать перед смертью удивительную историю жизни моей сточетырехлетней прабабушки, буддийской монахини.

Ты, наверно, думаешь, что монахини — это не так уж интересно, но тогда моя прабабушка — исключение, и совсем не в извращенском смысле. Конечно, наверняка есть много извращенских монахинь... ну, может быть не так уж много, но священников-извращенцев уж точно хватает, священники-извращенцы — они повсюду... но мой дневник точно не о них и не об их странных повадках.

Этот дневник расскажет историю жизни моей прабабушки Ясутани Дзико. Она была монахиней и писателем, «новой женщиной»** эпохи Тайсё***. Еще она была анархисткой и феминисткой, и любовников у нее было полно, и мужчин, и женщин, но извращенскими делишками она никогда не занималась. Конечно, по ходу дела я могу упомянуть пару свиданий, но все, что я напишу, будет исторически верно и должно будет помогать женщинам поверить в свои силы, а всякой дурацкой мутоты о гейшах здесь не будет. Так что если ты любитель клубнички, пожалуйста, закрой эту книгу и отдай ее жене или коллеге — сэкономить себе кучу времени и усилий.

* *Хентай* (変態) — извращенец, человек с сексуальными отклонениями.

** «Новая женщина» — выражение, бытовавшее в Японии в начале 1900-х; описывало прогрессивную, образованную женщину, которая отвергала сковывающие рамки традиционной культуры.

*** *Эпоха Тайсё* (1912–1926), получила название по имени императора Тайсё; другой термин — «демократия Тайсё», короткий период социальной и политической либерализации, окончившийся, когда власть была захвачена милитаристами правого крыла, что привело Японию к участию во Второй мировой войне.

4

Мне кажется, в жизни важно иметь четкую цель, как ты считаешь? Особенно, если времени осталось немного. Потому что если четкой цели нет, то время у тебя может закончиться, и ты обнаружишь себя на парапете очень высокого здания, или в кровати с упаковкой таблеток в руках, думая при этом: «Блин! Я все запорол. Если б только у меня с самого начала были четкие цели!»

Я тебе все это говорю, потому что вообще-то не собираюсь тут надолго задерживаться, и с тем же успехом ты можешь знать об этом заранее, чтобы не делать преждевременных выводов. Выводы — это отстой. Это как ожидания. Ожидания и преждевременные выводы способны похоронить любые отношения. Так что давай мы с тобой в эту сторону двигаться не будем, о'кей?

Правда в том, что совсем скоро я собираюсь окончить свое пребывание во времени, или, может, не стоит говорить «окончить», потому что это звучит, будто я и в самом деле достигла цели, сдала экзамен и заслуживаю двигаться дальше; а факты таковы: мне только что исполнилось шестнадцать, и не достигла я ровно ничего. Ноль. Зеро. Что, звучит жалко? Это я не нарочно. Просто хочу быть точной. Может быть, вместо «окончить» мне надо было сказать, что я собираюсь бросить время. Вылететь из времени. Оборвать свое существование. Я считаю моменты.

Раз...

Два...

Три...

Четыре...

О, я знаю! Давай считать моменты вместе*?

* Более подробные комментарии о моментах дзэн см. в приложении А.

Рут

1

Вспышку Рут уловила самым краешком глаза — блик отраженного солнечного света блеснул из-под перепутанной массы бурых водорослей, извергнутых океаном во время прилива. Она было решила, что это блестит дохлая медуза, и чуть не прошла мимо. Последнее время берег буквально заполонили медузы — чудовищные алые жгучие создания, будто раны на прибрежном песке.

Но что-то заставило ее остановиться. Она наклонилась, разворошила носком кроссовка кучу водорослей и потыкала туда палкой. Распутав змеящиеся стебли, она смогла раздвинуть их настолько, что стало ясно: блестела вовсе не медуза, а какой-то предмет из пластика — пакет. Ничего удивительного. Океан кишит пластиком. Она еще поворошила водоросли, пока не докопалась до угла, за который можно было ухватиться. Пакет оказался тяжелее, чем она ожидала, — выдавший виды пластиковый пакет для заморозки, весь покрытый морскими желудями, будто сыпью. Наверное, он провел в море немало времени — так она подумала. Внутри пакета просвечивало что-то красное — чей-то мусор, конечно, выкинутый за борт или брошенный после пикника или пляжной вечеринки. Океан вечно выплевывал что-то на берег, а потом заглатывал обратно: рыболовные снасти, поплавки, пивные банки, пластмассовые игрушки, тампоны, кроссовки «Найк». Пару лет назад это были отрезанные ноги. Люди постоянно натыкались на них по всему побережью острова Ванкувер после прилива. Одну нашли прямо здесь, на этом берегу. Никто не мог объяснить, что случилось с остальными частями тел. Рут не хотелось даже думать о том, что могло разлагаться там, внутри пакета. Она забросила его повыше на берег, намереваясь забрать на обратном пути, чтобы донести до дома и выкинуть.

2

— Что это еще такое? — Услышала она голос мужа из прихожей.

Рут готовила ужин: она резала морковь и была в состоянии предельной концентрации.

— Это, — повторил Оливер, не услышав ответа.

Она подняла глаза. Он стоял в дверях кухни, помахивая потрепанным пакетом для заморозки. Рут оставила пакет на крыльце, думая выкинуть попозже, но отвлеклась.

— Ой, брось это, — сказала она. — Это мусор. На берегу подобрала. Не заноси в дом, пожалуйста.

И почему она должна объяснять?

— Но там что-то есть, внутри, — сказал он. — Тебе разве не хочется посмотреть?

— Нет, — сказала она. — Ужин почти готов.

И все равно он притащил пакет в дом и возложил на кухонный стол. С пакета сыпался песок. Но такой уж он был — стремление знать было неотъемлемой частью его природы: разбирать вещи на составные части, а потом вновь собирать их в единое целое — иногда. Морозилка у них была вечно забита свертками с трупиками птиц, землероек и других мелких животных, которые приносил кот, — они лежали там в ожидании, пока их препарируют и набьют чучело.

— Там не один пакет, — доложил он, бережно расстилая первый и откладывая его в сторону. — Там их много, один в другом.

Кот, привлеченный бурной деятельностью, вспрыгнул на стол, намереваясь помочь. Коту на стол было нельзя. Вообще-то у кота было имя, Шрёдингер, которое никогда не использовалось. Оливер звал его Пестицидом, иногда сбиваясь на Песто. Кот вечно был занят нехорошим — потрошил белок посреди кухни, аккуратно раскладывая крошечные блестящие внутренности, кишки и почки, прямо перед дверью спальни, так, чтобы Рут могла наступить на них посреди ночи, направляясь босиком в туалет. Они выступали командой, Оливер и кот. Когда Оливер шел наверх, кот шел наверх. Когда Оливер шел вниз поесть, кот шел вниз. Когда Оливер шел наружу пописать, кот шел наружу пописать. В настоя-